

*Действие происходит
в ближайшем будущем.
Например, в 2025 году*

Дима прополоскал рот, сделал пару глотков из бутылки и вышел из переулка. Он хвалил себя за выносливость — после всего случившегося у него болели мышцы, иногда резало в солнечном сплетении, но он почти не отвлекался на это. Впрочем, особого выбора не было: дашь слабину — все будет кончено. А он не хотел сдаваться. По крайней мере, не сейчас.

Он посмотрел на телефон — два часа ночи. Поезд отъезжает в шесть, до вокзала идти буквально десять минут. Так себе перспектива — просидеть в зале ожидания четыре часа. Пока он старался мысленно смириться с этим, его окликнули молодые люди, стоявшие у бара на другой стороне дороги.

— Эй, ты че там стоишь один-то, пацан? Давай присоединяйся к нам, у нас тут весело. — Парень в джинсовой рубашке захохотал, и вслед за ним стала смеяться вся компания — их было пятеро: две девушки и трое молодых людей.

Сергей Вересков

— Да я... — Диме было неловко. — Мне надо идти на поезд, я скоро уезжаю.

— Успеешь ты на поезд, не парься. Ты тоже не из Москвы, да? Мы тут все неместные! Честно сказать, ненавижу москвичей. — Парень отхлебнул пиво из банки, а его друзья начали вразнобой зазывать Диму.

Он хотел согласиться и хотя бы немного отвлечься, но боялся, что что-то пойдет не так — в барах он бывал нечасто, но даже эти редкие визиты запомнились надолго. Один раз Дима так крепко напился, что чуть в обезьянник не угодил — подрался, танцевал на столе. Сейчас ему точно нельзя было терять контроль. Да и пить на голодный желудок — плохая идея. Как и общаться с незнакомыми людьми.

— Ну чего ты стоишь ломаешься, как девка, а? Выпьем и иди куда собирался!

— Ладно, ладно, хорошо, — нехотя сказал Дима и перешел дорогу.

Парень, который первым позвал его, похлопал его по спине и потянул в бар. На входе охранник спросил, сколько ему лет, и Дима ответил — восемнадцать. Показал паспорт.

— Боже, да вы только посмотрите, какой у нас тут юнец! — воскликнула девушка из компании и потрепала Диму по щеке. — И какой красавчик!

Она громко засмеялась.

В краю молочных рек

— Поля, ну ты хоть веди себя прилично, о'кей? Не забывай, что ты со мной сюда пришла, — сказал один из парней.

— Да брось, я же просто шучу. — Она закатила глаза, а потом взяла Диму за руку и потянула за собой в темноту и шум бара.

Внутри оказалось ужасно тесно — Дима едва протискивался сквозь толпу танцующих людей. Электронная музыка стучала по ушам, над головой сверкали стробоскопы. Под потолок то и дело взмывали столбы белесого пара.

— Я Поля, а тебя как зовут, малыш? — спросила девушка, когда они дошли до барной стойки и она заказала два виски с колой.

— Дима.

Она ему улыбнулась. Только сейчас он смог внимательнее рассмотреть девушку — у нее была смуглая кожа, слегка раскосые глаза и копна вьющихся волос. Глиттер сверкал на скулах.

— Ну, за твоё здоровье, Дима! — сказала Поля, когда принесли стаканы, и они чокнулись. — Должна повторить, ты очень красивый. Да-да. — Она нагнулась к нему. — Плечи, подбородок... Ты не выглядишь на восемнадцать, дорогой.

Поля засмеялась, а он почти мигом осушил стакан до дна. После первого же коктейля живот перестало крутить, он даже почувствовал прилив сил,

Сергей Вересков

и только появившийся звон в ушах портил дело. Кто-то вновь потянул его за руку – это была уже не Поля, – он оказался на танцполе в толпе людей. Глядя на мерцающий свет, то и дело вспыхивавший под потолком, он танцевал, стараясь изгнать из себя прошедший день, снова и снова проникавший в голову.

Он останавливался только для того, чтобы заказывать еще какой-нибудь коктейль, а потом продолжал танцевать. Дима даже не заметил, как поредела толпа. Рядом с ним снова оказалась Поля. Плавнo двигаясь, она кружила рядом, на руках сверкали массивные браслеты. Ему казалось, он слышит, как они звенят, – ее движения напоминали какой-то ритуальный танец, который должен был защитить его от бед.

– Дима, я знаю все твои тайны, – вдруг услышал он шепот у самого уха. Дыхание Поли было теплым.

– Что?

Во рту пересохло.

– Да ты не пугайся. Я говорю, что хочу тебя поцеловать, – с этими словами она запустила руки в его волосы и потянула к себе.

– Подожди, подожди, нас же может увидеть твой парень, – пытаюсь отстраниться, сказал Дима.

Полина рассмеялась, откинув голову назад, а затем снова посмотрела на него, прищурив глаза.

В краю молочных рек

— Послушай, ну он только для вида такой ревнивый, а на деле паинька. К тому же мы ведь с тобой знаем, что ты ему не соперник. — Едва договорив, она быстро его поцеловала. Поцелуй оказался сладким на вкус, как кока-кола. — Мне кажется, тебе пора, а то опоздаешь на поезд.

Как только он вспомнил про поезд, внутри все похолодело — он забыл про время. Глянув на часы, он увидел, что до отбытия осталось ровно полчаса.

— И ничего не бойся. Ничего не бойся, — шепнула Поля и снова улыбнулась, быстро проведя ладонью по его руке.

* * *

Диму всегда увлекали мифы и легенды. Он вообще любил читать. Это было и спасением, и наказанием. Мало что могло сравниться с тем отчаянием, которое накатывало на него после завершения понравившейся книги. Хорошо написанная история словно бы снимала с него кожу, а потом, на последней странице, его выбрасывало обратно в жизнь, обнаженного и беззащитного. Каждое прикосновение действительности мучило, мир был слишком несправедливым, люди были слишком несправедливыми — а мир и люди, окружавшие его, были несправедливыми вдвойне. Он бы с радостью предпочел оказаться в логове гигантского паука, в

Сергей Вересков

запутанном лабиринте с Минотавром, чем утром проснуться в своем теле, в своей кровати.

Однажды, читая легенды из кельтского эпоса, он узнал про страну фейри, вход в которую находится под огромным камнем на скалистой горе. Сказочные создания то и дело похищают людей и отводят их в свой мир, где предстоит только пить и веселиться, пить и веселиться. Они не знали печали. Но никто не хотел попадать им в руки. И не только потому, что выхода из этого мира не существует, но и потому, что ни у одного обитателя страны фейри нет души. То ли она пропадает в момент перехода из мира людей в «мир под камнем», то ли ее лишаешься уже на месте. Не важно. Важно, что кельты верили: без печали нет души. И когда придет время Страшного суда, все люди получат по заслугам и отправятся в рай или ад, но только не фейри. Сказочная страна вместе со всеми обитателями развеется, словно ее и не было вовсе.

Когда Дима думал об этом, он всегда про себя усмехался: если без печали нет души, то уж с его-то печалью бояться нечего, у него наверняка должна быть просто огромная душа, на парочку людей хватит. Вот и сейчас он снова улыбнулся, когда его мысли сами собой вернулись к этой истории. «Какие, к черту, фейри: ты стоишь в вагонном сортире, здесь воняет дерьмом, а ты думаешь хер знает

В краю молочных рек

о чем», — сказал про себя Дима и сплюнул зубную пасту в железную раковину. Чувствовал он себя не очень. На перроне перед посадкой его вывернуло.

Он вышел из туалета и стал искать свое купе. Вагон освещался слабым утренним светом, из-за дверей доносились голоса: «Садись, да садись ты уже», «Ну как, ты поспала?», «Будь добр, достань мне вафли», «А у нас вот картошка с маслом, ага». Диму от всего этого передергивало. Стучали колеса, ветер дул в открытые окна.

Весь день прошел как в тумане. Он лежал на нижней полке, дремал, иногда просыпался и перекусывал — на вокзале он купил несколько сэндвичей, которые в рюкзаке превратились в кашу, а еще сырные чипсы, газировку. Вместе с Димой в купе ехали мать с сыном лет семи — она сидела в телефоне, а мальчик то спал, то листал комикс с Бэтменом на обложке. Это были идеальные соседи, тем более что вечером они вышли на одной из станций.

Часа в три ночи Дима проснулся от криков в коридоре. Он даже не успел различить, реальность это или сон, как все стихло. Потянувшись, он понял, что хочет в туалет. И еще надо бы снова умыться. Он взял полотенце, засунул зубную щетку в карман спортивных штанов и вышел из купе. В коридоре никого не было. Кроме стука колес — ни звука, раз-

Сергей Вересков

ве что тихий храп доносился как будто со всех сторон сразу.

Зайдя в тамбур, он увидел девочку — та сидела на полу и плакала, уткнувшись лицом в коленки. Когда за Димой захлопнулась дверь, она быстро подняла голову. В ее глазах он увидел такой испуг, что на секунду ему самому стало страшно — он обернулся, но за спиной никого не было. Щека у нее распухла, под носом засохшая корка крови.

— Эй, что с тобой случилось, а? — спросил Дима, опускаясь перед ней на колено.

— Ничего. — Девочка шмыгнула носом.

— Ну, не плачь. Где твои родители? — Дима осторожно дотронулся до ее локтя, но она быстро отдернула руку и опять уткнулась лицом в коленки. — Послушай, я тебя не обижу. Просто скажи, что случилось, где твои родители, и я тебя к ним отведу. Может, ты не помнишь номера купе? Так это не страшно, мы все равно их найдем.

— Это папа. — Она подняла голову.

Диму опять затошнило. Ему хотелось что-то сказать, но он молчал. Да и что тут скажешь? Когда-нибудь и это закончится. Все когда-то кончается.

— Тебе че здесь надо, придурок? — услышал он голос у себя за спиной.

Девочка замерла и почти перестала дышать. Он представил, как сильно стучит ее сердце. Медленно

В краю молочных рек

поднявшись, Дима развернулся и увидел перед собой мужика в серой футболке — лысая голова, толстые губы.

— Ты что, язык проглотил, говно сраное? Тебе че от моей дочки надо?

— Я ее не трогал, — сглотнув, сказал Дима. — Она сидела одна, я подумал, что-то случилось. У нее из носа шла кровь.

— А тебя вообще это касается? Это, блядь, вообще твое дело, я спрашиваю? Разве она твоя дочь, а? Тебе она кто, а? Давай, давай, иди куда шел — поссы и возвращайся к себе, пока по роже не схлопотал, понял?

— Вы не думаете, что у нее может быть сотрясение мозга от такого удара?

— Пошел отсюда, я сказал!

Вздыхнув и сжав кулаки, Дима открыл дверь в туалет. Он еще не успел зайти, как услышал хлесткий удар — мужик отвесил девочке пощечину. Дима закусил губу. Он думал о том, что хотел бы сейчас сделать. Снять полотенце с плеча, быстро накинуть его мужику на шею, перекрутить, с силой потянуть на себя. От неожиданности тот захлебнулся бы воздухом, но Дима все равно затягивал бы полотенце сильнее, сильнее, пока лицо мужика не стало бы багровым, пока он не начал бы умолять отпустить его, не начал бы потеть от страха. Но Дима не сде-

Сергей Вересков

лал этого. Это ни к чему не приведет, это никого не спасет. Обозленный отец потом сорвется в купе, опять изобьет девочку, отомстит ей за свое унижение.

Дима выдохнул. Не оглядываясь, зашел в туалет. Хлопнула дверь. Он облокотился на раковину, посмотрел на свое отражение в зеркале. Его трясло. Хотелось кричать и ломать все вокруг. Разнести все к чертовой матери. Уничтожить. Он уперся руками в стену и старался успокоиться. Надо умыться и почистить зубы, умыться и почистить зубы. Умыться и почистить зубы. Колеса стучали. За стенкой кто-то кашлял.

Когда Дима закончил и открыл дверь, в тамбуре никого не было.

Вернувшись к себе, он завернулся в одеяло и включил плеер. Прислонился к окну. Под музыку он считал пролетающие за окном фонари. Голова была пустая, совершенно пустая. Из темноты выплывали однотипные станции.

Интересно, полиция уже начала поиски?

* * *

— Так-так, кажется, это опять начинается, — вслух сама себе сказала Лиза и обвела взглядом салон самолета.

В краю молочных рек

Вздыхнув, она закрыла глаза. Что ей велел делать психолог, когда чувствуешь приближение панической атаки? Правильно, не думать о том, что будет, если она действительно наступит. Например, не вспоминать о слабости в ногах, комке в горле и тошноте. Только вот как этого *не* делать, не очень понятно — отвлекаться от мыслей Лиза умела плохо. Она открыла глаза, еще раз посмотрела по сторонам и сразу же об этом пожалела. Замкнутость салона давила, от этого даже заболели глаза — казалось, они вот-вот лопнут. А еще у пожилого соседа через проход из ушей торчали длинные седые волосы. Они немного кудрявились. Сделав глубокий вдох, Лиза постаралась вернуться к книге, которую читала, но на тексте не получалось сосредоточиться. Она смотрела на экран, видела буквы, однако не могла сложить их в слова. В голове снова и снова крутилось только ее название: «Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше». Почему насилия стало меньше. Почему меньше. Насилия стало меньше?

— Простите, а вы точно сидите на своем месте?

Лиза посмотрела вверх и увидела над собой крупного мужчину в вязаном малиновом кардигане.

— Мое кресло у окна, но я буду сидеть здесь, вы уж простите. Я не успела забронировать место заранее, так что просто занимаю его сейчас, — отве-

Сергей Вересков

тила она и постаралась улыбнуться, но вышло у нее не очень убедительно.

— Нет уж, будьте любезны, сядьте на свое место, а я сяду на свое, — настаивал мужчина.

— Повторяю еще раз — я буду сидеть здесь. А вы будете сидеть у окна. И знаете почему? Потому что это в ваших же интересах. Если вы не хотите, чтобы посреди полета я полностью заблевала вас и ваш чудесный кардиган, вам лучше не настаивать на своем, а просто согласиться. О'кей? Вот и чудно.

Мужчина удивленно развел руками:

— Кругом одни сумасшедшие. Но хоть пропустите меня, я же не могу перелететь через вас.

— А вот это пожалуйста, это сколько угодно. — Лиза снова улыбнулась, и на этот раз улыбка получилась дружелюбнее.

Когда сосед прошел на свое место, она на автомате спросила себя, сколько лет живет с этими внезапными приступами тревоги. В очередной раз удостоверилась, что постоянной проблемой это стало одиннадцать лет назад: сейчас ей тридцать четыре, а отсчет надо вести с двадцати трех. Тогда Лиза как раз заставила себя встречаться с парнем, бывшим однокурсником. Она не слишком этого хотела, просто пришло время попробовать «быть в отношениях». В первый раз заниматься сексом было боль-

В краю молочных рек

но — не так больно, наверное, как рожать, но все равно, — и поначалу ей приходилось прикладывать нечеловеческие усилия, чтобы вообще спать с Мишей. Какое-то время жертвы были не напрасны — у них закрутились «серьезные» отношения, они съездили на море, подумывали жить вместе, — но потом случилась первая крупная ссора, которая закончилась для Лизы синяками на плечах и спине.

После этого он извинялся перед ней, задаривал подарками; она долго не хотела прощать его, а потом все же простила. Он был неплохим парнем — ей нравились его руки, его скулы, его любовь к литературе. В итоге Миша за год отношений еще несколько раз набрасывался на нее, но рассталась она с ним только после того, как он ударил ее по лицу. Хотя она понимала правильность решения, это далось нелегко. Она боялась, что он найдет ее, избьет до полусмерти, а плюс ко всему ей и правда не хватало Миши рядом — она успела привязаться к нему. С работой тогда тоже происходил кошмар: она пыталась устроиться хоть куда-то, но везде ее брали только внештатным автором или предлагали писать глупые заметки о жизни звезд — кто и в чем вышел в свет, какие посты знаменитости вывесили в социальных сетях. Однажды после очередного неудачного дня, измотанная и расстроенная до предела, она спустилась в метро и слови-

Сергей Вересков

ла паническую атаку — ноги стали ватными, голова закружилась, глаза как будто кто-то давил пальцами, а к горлу подступила тошнота. Она еле успела выбежать на улицу, чтобы не закричать от ужаса прямо там, на платформе.

Лиза долго не хотела идти к психологу, это было дорого и будило не самые приятные воспоминания, но в итоге сдалась. К тому времени паническая атака могла начаться в автобусе, вагоне метро, во время интервью или в очереди в банке. С двадцати трех она боролась с этими приступами с переменным успехом, то начиная курс терапии с очередным специалистом, то заканчивая его: ни один из них не смог научить ее справляться с мыслями, не смог решить ее проблему, хотя подступались с разных сторон — находили триггеры, учили вылавливать когнитивные ошибки. И это еще один повод для недовольства собой — что она за человек такой, которому даже вполне нормальные психологи не в состоянии помочь?

Один полезный навык она все же освоила — Лиза научилась обходить самые опасные участки своего прошлого, словно их никогда не существовало. Но проблема была не только в прошлом. Раз за разом Лиза ошибалась в выборе любовников, будто внутри у нее какой-то встроенный магнит, притягивающий одинаковых людей: обаятель-

В краю молочных рек

ных, но не умеющих контролировать собственную злость.

Макс в этом смысле был кульминацией. Апофеозом. Они познакомились на одной из модных вечеринок — Лизе тогда было тридцать один, и она любила выбираться в такие места: танцевать посреди залов старой фабрики, болтать с кем-нибудь об искусстве. Организаторы повсюду ставили стробоскопы, украшали интерьер винтажной мебелью, изобретали несколько авторских коктейлей. На вечеринках Лиза как будто преображалась, становилась легче — с ней знакомились юные парни и девушки, но она никогда не отвечала взаимностью, потому что приходила не за этим.

Исключение она сделала для Макса: однажды она увидела, как он танцует на площадке у бара — с закрытыми глазами, самозабвенно, идеально попадая в такт музыке. Он улыбался сам себе и своему удовольствию. Легкая небритость, дурацкая красная шапка на голове, подвернутые рукава белой футболки. На нем все смотрелось как на манекене, и Лиза, которая к сексу обычно была равнодушна, вдруг поняла, что хочет его. Поэтому, залпом выпив коктейль, она сама подошла к нему, стала танцевать рядом, а когда он открыл глаза и посмотрел на нее, Лиза улыбнулась и сказала: «Привет!»

Сергей Вересков

Если бы до того вечера ее попросили описать идеальное свидание — или просто несколько идеальных часов жизни, — она вряд ли смогла бы придумать что-то лучше, чем та ночь с Максом. Они танцевали, пили, опять танцевали, а потом долго шли из промзоны к центру города, и он рассказывал ей что-то о Трюффо и Жане Жене, после чего слушал ее рассказы об интервью с политиками, режиссерами, музыкантами. Стояла отличная погода, было тепло, но не парило, иногда дул прохладный ветер, и, когда они с Тверской поехали к ней в спальный район, пронзая сонную мерцающую Москву насквозь, она была счастлива. У нее дома он уснул, по-хозяйски раскинувшись на кровати, и Лиза была готова задохнуться от счастливого удивления, что жизнь сделала ей такой подарок. Она смотрела на него, мысленно вписывая очертания его тела в свою комнату, как бы примеряя его ко всей жизни. В какой-то момент она отчетливо это запомнила, ей вдруг захотелось долго-долго его целовать — в щеки, в плечи, в грудь, в живот. И она целовала, легко, чтобы его не разбудить.

Вместе они прожили три года, два из которых были счастливыми, а один походил на персональный Лизин ад. Макс изменился, когда его сократили на работе и он долго не мог найти себе что-то подходящее. Он был менеджером в международ-

В краю молочных рек

ной компании, которая решила уйти с российского рынка и ликвидировала местный офис. Ничего подобного от прежней работы — ни по зарплате, ни по интересу — не наблюдалось, экономику трясло, и уже через пару месяцев после увольнения Макса было не узнать. Он стал замкнутым, стал меньше общаться с прежними друзьями, у которых в карьере было все хорошо. Малейшие проблемы вызывали ужасное раздражение: хамство на кассе, очередь, затянувшийся поиск нужной рубашки в торговом центре — он зацикливался на каждом неприятном случае и злился до иступления, словно речь шла не о мелочи, а о жизни и смерти. Неприятная ситуация попадала в его сознание, словно камешек в ботинок, и постоянно о себе напоминала — снова, и снова, и снова. Он разучился контролировать себя, разучился переключать внимание с одной темы на другую. Ему было стыдно, и этот стыд выливался в тоску и злость.

Раздражение он срывал на Лизе, у которой, не считая отношений с ним, было все в порядке. Он стал грубым, он бил ее — все началось с пощечин, но эту стадию они прошли быстро: Лиза не давала отпор, она жалела его. Она знала, что он способный парень и то, что случилось, не его вина, а вина обстоятельств. Лизе нравилась ее работа в «Провокаторе», куда она устроилась лет пять назад и где

Сергей Вересков

ее ценили, поэтому она понимала, как трудно приходится Макс, как уязвлена его гордость — в конце концов, он давно привык к статусу успешного человека. Чтобы не провоцировать его, она в какой-то момент даже перестала рассказывать хорошие новости с работы и, наоборот, намеренно сгущала краски, когда он спрашивал, как прошел день.

Она прощала, оправдывала, принимала извинения. Все это было делать тем легче, что после вспышки гнева Макс на некоторое время становился прежним. В эти периоды он заботился о ней, как будто не он, а кто-то другой причинил ей боль. Но проходило две недели, три, и все опять повторялось, как в плохом сериале. Часто, глядя в зеркало на свое уставшее лицо, Лиза спрашивала себя, как она дошла до этого, как могла все это допустить. И не знала, что себе ответить.

Точкой невозврата в их отношениях, наверное, стал спор из-за детей. Лиза не хотела их заводить, а Макс хотел. К тому времени он все-таки вернулся в профессию, но на новом месте не было ни интересных задач, ни перспектив, так что для него это оказалось поражением, а не шагом вперед. И привычки, приобретенные за время затяжного отпуска, остались с ним — никуда не ушли раздражительность, недовольство. Лиза думала, что именно из-за неудачи на работе он решил реализовать-

В краю молочных рек

ся в семье, найти опору в детях. Но к этому она была не готова, по крайней мере сейчас. Ей хотелось заниматься своим делом, хотелось заниматься Максом, то есть их парой, и пока не включать в эти отношения никого третьего. Она часто шла ему навстречу, но здесь пойти не могла – заводить ребенка против воли бессмысленно. На примере друзей она убедилась, что в этом случае ты возненавидишь или ребенка, или мужа, или себя, или всех вместе.

Они постоянно об этом спорили. В какой-то момент Лизе начало казаться, что кроме детей они вообще перестали обсуждать что-то еще. Даже бытовые вопросы сводились к излюбленной теме Макса. Из-за этого по вечерам она теперь задерживалась на работе, чтобы дома не оставалось времени на препирательства. Но он все равно продолжал настаивать, сводил этим с ума их обоих. Он заводился с пол-оборота, его нервозность дошла до предела. И все же она по-прежнему его любила. Споры с Максом, страх перед Максом, оправдание Макса, любовь к Максиму – все это занимало в ее повседневности столько места, что, если отрезать отношения разом, жизнь тут же потеряет смысл, а вернее, наполнение.

Оборвалась их история из-за случайности. Лизу отправили в командировку вместе с колле-

Сергей Вересков

гой-расследователем. Из-за ошибки в брони их поселили в одном номере, и, когда вечером она позвонила Макс, тот во время разговора услышал чужой мужской голос: Влад – так звали коллегу, – забыв о просьбе Лизы вести себя потише, окликнул ее из другой комнаты. Макс сразу взбесился, даже не став слушать объяснений, и бросил трубку. Лиза надеялась, что к ее приезду он отойдет, будет возможность с ним объяснить, но она ошиблась. В день приезда он избил ее, предварительно проверив, закрыта ли входная дверь в квартиру. Он бил ее молча, основательно, педантично, так что после этого Лизе несколько дней пришлось мазать все лицо, все тело пахучей желтоватой мазью от ушибов. Синяки в разных местах долго не проходили, их не получалось скрыть, сколько бы она ни наносила косметики. Однажды после еженедельной планерки в «Провокаторе» главред позвал ее к себе в кабинет и, извинившись за вмешательство в личную жизнь, стал просить расстаться с Максом. Виктор Борисович говорил, что все это невыносимо, ему ее жаль, что она ходит к плохим психологам, раз те не могут помочь в такой ситуации, что подаст заявление в полицию, если она сама этого не сделает. Лиза в ответ только молчала и умоляла прекратить разговор.

В краю молочных рек

Пока она думала, как ей лучше поступить, и отсиживалась у коллеги, Макс ушел сам. По классическому сценарию отношений жертвы и абьюзера это казалось почти невероятным, но все было так: он ее бросил, а не она его. Лиза не могла понять, что чувствует по этому поводу: радость или горе? Она не старалась связаться с Максом, хотя в глубине души понимала, что, если он вернется и будет просить прощения, она, скорее всего, снова пойдет ему навстречу. Поэтому она одновременно и хотела, и не хотела, чтобы он возвращался. Неопределенность длилась два месяца — он то неожиданно выходил на связь, разговаривая по телефону так, будто ничего не случилось, то снова пропадал. В итоге однажды утром он написал ей, что вечером заедет за вещами — что ему стыдно за свое поведение, что он во всем виноват, но что он не может ручаться за свои будущие действия. После минуты размышлений она ответила, что готова дать ему еще один шанс. Он им не воспользовался. Он написал: «Какая же ты дура. Как я буду по тебе скучать».

Когда он приехал за вещами, когда потом закончил переносить бесконечные пакеты и узелки в машину и в последний раз поднялся к ней в квартиру, она расплакалась, увидев его в проеме двери. Она обнимала его долго-долго и не хотела отпускать.

Сергей Вересков

* * *

Главное, что помогало Лизе справиться с паническими атаками в самолетах, — это джин с тоником. Она каждый раз закупалась необходимыми составляющими в Duty Free и смешивала напиток в обыкновенной пластиковой бутылке. Всегда была вероятность, что сосед что-то заподозрит и расскажет стюардессам, но, выбирая между перспективой сойти с ума от паники и страхом быть уличенной в алкоголизме, она отдавала предпочтение второму. Тем более что она умела разбираться в людях, и, если сосед вызывал у нее сомнения, она просто бегала в туалет, беря с собой сумочку со спасительным коктейлем.

Нынешний сосед производил впечатление интеллигентного, но упертого мужика, как раз из тех, с кем Лиза предпочитала не связываться. Но очередь в туалет была такой длинной, а паническая атака так близко, что она решила не обращать на него внимания. Она перестала впиваться ногтями в руку, достала бутылку, открыла крышку и быстро сделала глоток. И еще один. Коктейль оказался крепче, чем она рассчитывала. Лиза закашлялась, отчего запах алкоголя тут же долетел до соседа. Он посмотрел на нее, шмыгнув носом, и усмехнулся, но ничего не сказал. С облегчени-

В краю молочных рек

ем Лиза вздохнула и откинулась в кресле. И все же перелет оказался сложным — алкоголь унимал тревогу, однако ничего не мог сделать с воспоминаниями, которые то и дело вспыхивали в голове. Когда коктейль был почти допит, Лиза в полудреме услышала голос соседа: «Могли бы хоть со мной поделиться».

Проснувшись Лиза уже на земле — самолет тряхнуло при посадке. У нее слегка болела голова, но в остальном она чувствовала себя хорошо. Каким-то образом она всегда быстро трезвела во время сна, хотя джином от нее разило по-прежнему. Уже в зоне выдачи багажа к ней подошел тот самый мужик и вдруг признался, что тоже боится летать.

— Ну что вы, я не боюсь летать, хотя вам искренне сочувствую, — ответила Лиза, снимая чемодан с движущейся ленты.

— То есть вы пьете из чистого удовольствия?

— Можно и так сказать. Это мне помогает справиться с тошнотой, которая у меня уж точно не из-за страха разбиться. Этого я как раз не боюсь. Знаете, смерть в самолете — очень комфортная смерть. Когда самолет падает, ты с вероятностью почти в сто процентов теряешь сознание и больше в него не приходишь. Не так уж плохо, а? — Лиза была готова идти, но мужчина еще на секунду задержал ее, загораживая проход.

Сергей Вересков

— Что скажете, если я вас позову как-нибудь поужинать, а? Вы не подумайте, я совсем не трус, это касается только самолетов.

— А я так и не думаю. Все мы разные. Но на предложение скажу «нет» — я приехала сюда не за этим, мне не до романтики.

— Что же вы собрались делать в Краснодаре?

— Буду вступать в секту, — ответила Лиза и быстро направилась к выходу, всей спиной ощущая на себе взгляд бывшего соседа.

В какой-то мере сказанное было правдой. Нет, конечно, она не собиралась вступать в секту, но секта была целью ее поездки. Она прилетела в Краснодар, чтобы написать о «Пришествии», которым она интересовалась не первый месяц. О нем говорили повсюду, а его Лидера — его так все и звали Лидером — обсуждали в соцсетях и десятках изданий, даже в таблоидах, хотя никакой конкретной информации о нем не было. Так, переливали из пустого в порожнее.

В течение полугода едва ли не каждую неделю становилось известно о связях какого-нибудь популярного блогера с «Пришествием», люди писали открытые обращения к Лидеру, а он, в свою очередь, увеличивал свое влияние, помогая просителям. Находил деньги на лечение детей, чинил аварийные дома, латал дороги. Народный заступник, не иначе.

В краю молочных рек

Еще про него говорили, что он обладает даром исцеления. Вполне реальные люди рассказывали на своих страницах в социальных сетях, как с ними произошло чудо. Слепые прозревали, хромы начинали нормально ходить, опухоли у больных раком сдувались сами собой — все как положено, стандартный джентльменский набор.

Лиза сначала не придавала всем этим историям большого значения, но со временем «Пришествие» стало трудно не замечать. Да, сейчас в стране появляется много сект как грибы после дождя, но с этой никто не мог сравниться. Поэтому Лиза и решила разобраться с «Пришествием». Ее подстегивало не только любопытство журналиста, но и раздражение от глупости людей. Как можно верить во все это в двадцать первом веке? Впрочем, она знала как: друзья ее родителей в свое время «заряжали» воду у экранов телевизора, хоть имели прекрасное образование, так что чему здесь удивляться. Время идет, а люди не меняются и не думают становиться умнее.

Когда она рассказала на работе, что хочет отправиться в «Пришествие», коллеги стали отговаривать ее. Они убеждали, что при всей вроде бы положительной репутации секта все равно остается сектой, с ней не стоит связываться. Но она настояла на командировке. Главред в растерянности по-

Сергей Вересков

шел обсудить идею с издателем, чего на ее памяти никогда не делал. С ответом тянули долго, но все-таки дали добро.

А потом ей стали сниться кошмары.

Ей снился один и тот же сон, который она успела запомнить в деталях. Был вечер, она видела широкую поляну посреди леса. На ней стояли сотни людей. Кто-то с надрывом говорил в мегафон, но слов было не различить. Сквозь толпу шла группа из нескольких человек — они на телеге катили огромные бочки, из которых зачерпывали пластиковые стаканами красную жидкость, похожую на виноградный сок. Первыми пили дети. После нескольких глотков они начинали биться в конвульсиях, горлом шла кровь. Кто-то из взрослых улыбался, кто-то плакал, но пили все. И все умирали — падали на землю, рвали траву, блевали темными сгустками.

Когда телега останавливалась рядом с ней и человек зачерпывал красный напиток, ее пробирала дрожь. Все смотрели на нее, Лизе хотелось плакать. «Что вам нужно? — пыталась она закричать, но не могла. — Чего вы хотите от меня?» Сзади ее кто-то хватал за голову, резко тянул на себя, так что она падала на землю. Над ней нависало лицо бордатого мужика, и он, быстрым движением засунув ей в рот пальцы, с силой размыкал челюсти, от-

В краю молочных рек

чего внутри что-то хрустело и тело пронзала боль. Ему передавали стакан, он прислонял его к Лизиным губам и наклонял — красная жидкость затекала ей в рот.

На этом моменте Лиза всегда просыпалась и после долго пыталась прийти в себя — шла на кухню, пила воду, растирала пальцами глаза. Смотрела в потолок, вернувшись в постель. По утрам, готовя завтрак, заваривая кофе, она прокручивала в голове этот сон снова и снова. Она никогда не отличалась робостью, напротив, в редакции все считали ее смелой. Да Лиза и сама так считала. Но повторявшийся кошмар пугал ее, как давно ничто не пугало — он вызывал нутряной страх, от которого хотелось запереться в шкафу, надеясь, что там тебя никогда не обнаружат.

* * *

Найти Екатерину Макарову, пресс-секретаря «Пришествия», оказалось несложно: члены секты носили однотонную серую одежду, так что Лиза сразу заприметила ее, выйдя из аэропорта. Она вместе с двумя мужчинами стояла сбоку от главного входа, у черной BMW.

— Всем привет, — бодро сказала Лиза, подходя к ним.

Сергей Вересков

— Добрый день, Елизавета, — едва кивнув, ответила Макарова, после чего повернулась к водителю: — Вадим, убери ее чемодан, и давайте трогаться.

Сев на заднее сиденье вместе с Макаровой, Лиза почувствовала, что у той отличный парфюм — легкий цветочный аромат с тонкими сладковатыми нотами.

— Господи, какие у вас прекрасные духи. Что это — Dior, Saint Laurent или?.. Не могу понять. Но мне очень нравится, — сказала Лиза.

Она всегда старалась начать разговор с нужным человеком с чего-то неожиданного, чтобы немного вывести собеседника из себя, а затем уже переходить к серьезной беседе. Но здесь фокус не прошел. Вместо ответа Макарова только пожала плечами.

— Вы хорошо долетели?

— Да, абсолютно. Сначала слегка понервничала, но это моя обычная реакция, все быстро прошло. — Она засмеялась. — Я знаю проверенные способы. Так что, сколько нам ехать до вашей резиденции?

— До поселения несколько часов. Здесь красивые места — будет на что посмотреть в окно.

— Честно говоря, я бы лучше пообщалась с вами — может, расскажете, как появилась секта?

В краю молочных рек

О ее основных принципах, устройстве лагеря, правилах.

– Во-первых, мы не называем себя сектой, – сказала Екатерина, кладя ногу на ногу. – Мы – семья. А во-вторых, подробнее обо всем лучше поговорить на месте. Так будет нагляднее. И, сказать по правде, я предпочла бы сейчас помолчать. Я рано проснулась, а впереди еще много дел.

– Послушайте, ну я все же к вам из Москвы прилетела, и мне бы не хотелось терять время. Помолчать я всегда успею. Не сочтите за наглость, конечно, но если вы не хотите говорить о... семье, – сказала Лиза с заминкой, – то, может, мы поговорим немного о вас? Все-таки вы один из главных представителей «Пришествия», чуть ли не второй человек после Лидера.

Макарова едва улыбнулась и закрыла глаза. Она сложила руки на коленях и молчала, а Лиза не знала, как на это реагировать. Единственный плюс был в том, что она смогла наконец разглядеть собеседницу получше. Екатерина – сухая высокая женщина. Прямая осанка, точеный профиль, заостренный подбородок. Русые волосы собраны в пучок. Похожа на отошедшую от дел балерину. На ней было платье жемчужно-серого цвета до щиколоток, схваченное на талии тонким ремешком, и простые балетки. На шее висел серебристый кулон в виде кольца.

Сергей Вересков

Когда Лиза готовилась к поездке, она много читала о ней — в начале нулевых Екатерина была одной из самых модных театральных актрис. Она грамотно выбирала роли, хорошо одевалась, считалась звездой среди интеллектуалов и эстетов. Издания пестрили съемками и интервью с ней — было видно, что везде разговором управляет она, а не журналист. Екатерина всегда уклонялась от вопросов о личной жизни, всерьез говорила только о работе, театрах, культуре. Листая подборки с текстами о ней, Лиза не могла понять, почему ее слава так быстро потухла.

Никаких видимых причин для этого не было, и никто из ее знакомых журналистов не мог сказать об этом хоть что-то толковое. Ходили только слухи о смерти ее любовника-покровителя, но что это был за любовник, да и был ли он вообще, неизвестно. Лиза обнаружила, что примерно тогда же, когда Макарова перестала играть, у нее умер отец, но строить на одном этом факте предположения о «духовном перевороте» было трудно, тем более что об отце Екатерина не говорила в интервью — были они близки, не были? Не говорила она и о матери, про которую также невозможно было найти хоть какую-то информацию.

После ухода из профессии о ней долго не было слышно, а потом она неожиданно вернулась в со-

В краю молочных рек

вершенно другой роли – в качестве благотворителя. Организовала фонд правовой и психологической помощи женщинам, «Поддержку». Со временем он стал проводить и просветительскую работу – например, лекции, посвященные темам домашнего насилия и гендерного равноправия. Завершение актерской карьеры Макаровой и ее возвращение вызывали массу вопросов, но ответов на них не было: в качестве главы фонда она говорила с журналистами исключительно о проблемах благотворительности. Ну а теперь, в качестве пресс-секретаря «Пришествия», она давала прессе лишь короткие комментарии, но не интервью.

– У вас есть пять вопросов, – вдруг сказала Макарова низким хриловатым голосом и открыла глаза. – Я сейчас отвечу на пять коротких вопросов, а об остальном поговорим на месте. Идет?

– Да, вполне, – кивнула Лиза. – Можно задавать любые вопросы?

– Конечно. Задавать можно любые вопросы, но не на любые я захочу отвечать.

– С вами непросто.

– Вы не представляете, до какой степени, – сказала Макарова. – Ну, начинайте.

– Сколько вам лет? – спросила Лиза.

– Пятьдесят, – ответила Макарова, подняв голову, как будто специально обращая внимание на

Сергей Вересков

прямую осанку. — Но это вы могли найти и в интернете и не тратить сейчас свои драгоценные вопросы.

— Не волнуйтесь, так задумано. Важна ведь не только информация, но и то, с какой интонацией ее сообщают, — сказала Лиза. — Следующий вопрос. Что такого есть в Лидере, чего нет в других людях? Почему вы пошли за ним?

— Я много думала об этом, — ответила Макарова почти без паузы, — и всегда приходила к тому, что мне было очень просто пойти за ним. Очень легко, даже приятно. Когда я с ним встрети­лась в первый раз, я сразу поняла, что он — именно тот, кто мне нужен. И не только мне. Вы поймете, о чем я говорю, когда увидите его. Он особенный. — Она пожала плечами. — И я полностью отдаю себе отчет в том, что говорю. Я не какая-то сумасшедшая, мы здесь не сборище ненормальных. Просто у некоторых людей есть стереотипы относительно сект, к разряду которых вы нас причисляете. Но мы намерены бороться с предубеждениями. Именно поэтому мы и не отказали вам в визите.

— Кстати, я ценю эту открытость. Это здорово. Глупый вопрос, но все же — а вы верите в Бога?

— Верю... — Макарова посмотрела вниз, на свои руки. — Я верю в Бога.